

Александр Хвостов

Сонечка. Часть-3

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Владимирович Хвостов

Сонечка. Часть-3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70597807

SelfPub; 2024

Аннотация

15-летняя школьница София Цаплина погибает, выпав из окна своей квартиры. На первый взгляд, несчастный случай; однако, мало-помалу становится ясно, что гибель девочки далеко не случайна.

Содержание

9	4
10	10
11	18
12	24
Из дневника Софии Цаплиной	25
13	38

Александр Хвостов

Сонечка. Часть-3

9

День был довольно пасмурным, даже дождливым. Дождь лил просто на всю катушку: кажется, всё небо в этот день скорбело, провожая в последний путь бедную Соню, а что уж говорить о тех, кто на земле. Соня лежала в обычном красном гробу, стоящим в траурном зале на специальной тумбе. Она была одета в белую блузку и чёрную пару из брюк и пиджака. Её тонкие розовые губы были в такой как бы лёгкой улыбке, словно утешала она этой улыбкой всех собравшихся, чтобы они сильно не плакали по её уходу. А пришло и вправду немало людей: это были и соседи, и одноклассники, и Волкова, и крёстная мать с мужем, и родная мать с сожителем, и родственники... И каждый из них подходил к покойной со скорбью, клал ей цветы и целовал её прощальным поцелуем. Многие, особенно женщины и девочки не могли сдержать слёзы, прощаясь с любимой подругой, ученицей, соседкой и родственницей. И, глядя на эту невероятно тяжёлую картину, очень хочется поднять руки к небу и сказать: «Господи, оживи рабу твою Софию на радость всем любящим её! Верни её на землю». Прощание подошло к концу,

и пора отправляться на кладбище. Несколько мужчин взяли закрытый гроб с телом Сони и понесли его в один из автобусов. Туда же отправилась и часть людей, а другая часть – во второй автобус. Многие из собравшихся приехали на своих автомобилях, и потому по окончании прощания они вернулись туда и вся колонна двинулась на кладбище.

Вот и прибыли на место. Закрытый гроб поставили на два табурета напротив свежевыкопанной могилы и каждый, подойдя к погибшей, говорил ей прощальные слова.

– Прощай, моя любимая доченька! – в слезах сказала Елена. – Пусть господь примет твою душу!

– Ты всегда будешь в нашей памяти и в наших сердцах, Соня! – сказала Женя Славина, подойдя к гробу вместе с Лисицыной и Мельниковой. Все три подружки не могли сдерживать своих слёз.

– Ты всегда будешь в нашей памяти и в наших сердцах, Соня! – сказала Женя Славина, подойдя к гробу вместе с Лисицыной и Мельниковой. Все три подружки не скрывали своих слёз.

– Прощай, Сонечка! – в слезах сказала Волкова. – Видит бог, ты была моей лучшей ученицей. Покойся с миром, моя девочка.

– Светлая тебе память, Сонечка! – плача, сказала Горелова. – Нам будет не хватать тебя.

Так к гробу подходили и говорили все присутствующие, после чего каждый из них бросил в могилу по горсти земли,

а затем туда опустили уже заколоченный гроб. Могилу закопал, поставили крест с фотографией и табличками и возложили на неё цветы и венки. Окончив все похоронные мероприятия, все стали разъезжаться по домам.

– Елена Юрьевна, мы поедem, – как-то осторожно сказала Волкова. – Мне ещё моих надо по домам развести, чтобы они немного в себя пришли перед ЕГЭ. Ещё раз примите наши соболезнования.

– Спасибо, Ольга Станиславовна, что пришли, – с горечью в голосе ответила Елена. Волкова обняла её.

– Помогите вам бог пережить это горе!

– Спасибо, – ответила Елена, и Волкова, просившись с ней и собрав свой класс, уехала на одном из автобусов. Остальные, включая Елену и Валерия, тоже подались домой.

Квартира Цаплиных, гостиная, поминки. За столом сидят все родные, близкие и кое-кто из соседей Сони и поминают её. Вроде всё шло так, как должно идти... Но вдруг в какой-то момент Елену не пойми, с чего, как будто прорвало на такие ругательства в адрес погибшей, что просто диву даёшься:

– Сонька, гадина такая... Чтоб тебе, сучке, в земле спокойно не лежалось, чтоб тебя, дрянью такую, черти в ад забрали! Жили ведь хорошо, нет, надо было тебе, овце безмозглой, убиться самой и мне жизнь испортить.

У всех сидящих в гостиной был шок. Одна из сестёр Еле-

ны, невысокая брюнетка по имени Наталья, даже повелела пойти своей дочери Марине и дочерям другой своей сестры Кате и Ларисе уйти в комнату Сони, чтобы они не слышали всех этих пьяных гадостей своей тёти.

– Лена, опомнись! – взмолилась Людмила Горелова, сидевшая справа от кумы. – Как ты можешь такое говорить о своей только-только погребённой дочери?

– А представь себе, могу! – без стыда ответила Елена. – Это вы, особенно ты, всегда её, соплячку пустоголовую, едва ли ни в задницу целовала, это для тебя она была светом в окошке, любовью всей жизни; а я на неё всегда плевать хотела, а в последний год – так, тем более! Да, я её всегда ненавидела просто за то, что она родилась; да и сейчас ненавижу за то, что она лежит там себе спаконенько, а ко мне менты теперь шастают, выпрашивают, как она жила, и кто её любил или обижал? Какая я дура была, что не кинула Соньку в роддоме: сейчас бы горя не знала и с мужиками гуляла направо-налево!

Вроде Елена и выпила не сказать бы, чтобы сильно много, по идее, должна была соображать, что выговаривает, но с чего её так повело? Какой бес в неё вселился? И дочь облила грязью, и куму обидела.

– Ну, знаешь, моя милая, мне с тобой просто не о чем разговаривать! – всплыв, ответила Горелова и встала из-за стола.

– Да пошла ты на хрен! – также по-хамски сказала Еле-

на, Горелова на неё обижено посмотрела, и вместе с мужем ушла. Мало-помалу разошлись по домам и соседи, чувствуя неловкость ситуации, которая сложилась. Остались только Валерий да сёстры Елены с их мужьями и детьми. Елена хотела налить себе ещё водки, но остановила другая её сестра, высокая и рыжеволосая Анастасия.

– Так, подруга моя, стоп! Ты и без того уже много выпила и сказала лишнего. Пойдём-ка лучше я тебя баюшки положу.

– Ася, иди в жопу вместе с советами! Я выпить хочу! – в том же манере ответила Елена сестре.

– А я тебе говорю – хватит! – настаивала Анастасия.

– Да кто ты такая, чтобы мне что-то говорить? – разозлившись, спросила Елена.

– Я твоя старшая сестра! – жёстко, но спокойно ответила Анастасия. – И если я говорю тебе – хватит пить, пошли спать, значит, хватит пить и пошли спать! – обращается к Наталье. – Наташа, убери водку и Ленину рюмку!

– Слышь ты, сучка, ты чего в моём доме расхозяйничалась?! – заорала Елена на Анастасию, за что та ей влепила весьма нехилую пощёчину, от которой Елена тотчас сникла и расплакалась, как дитя, опустившись на стул.

– Тише, тише, тише! – с нежностью сказала Анастасия, сев рядом, обняв и поцеловав сестру в щёку, по которой ударила. – Всё, моя любимая, прости меня, пожалуйста! Видит бог, я не хотела тебя ударить. Прости меня, и пойдём баюшки! Пойдём?

Елена покачала головой.

– Я могу чем-то помочь? – спросил Валерий.

– Спасибо, мы сами справимся, – ответила Анастасия.

– Тогда я пойду, прогуляюсь, – сказал Валерий и вышел.

Анастасия с заботой и любовью умыла Елену, переодела её в ночнушку, положила в постель и, поцеловав, перекрестила перед сном. Елена спала до обеда следующего дня.

Едва выйдя из дому, Валерий набрал Анжелике, спросил адрес её сестры и сказал, что он идёт к ней.

– Ну, иди, мой котик, а то я уже заскучала, – слащаво ответила Анжелика.

Однако дойти до квартиры любовницы Валерию будет не суждено: едва он попал в её подъезд, как на него напал неизвестный, убил ударом ножа в спину, скоренько обчистил его и скрылся. Труп обнаружил мужчина, ведущий собаку на прогулку. Он и вызвал неотложку и полицию. Надо ли говорить, как быстро долетела до Анжелики новость о гибели Валерия, и как она горько плакала, давая показания следователю Антиповой, дежурившей в тот вечер и прибывшей с опергруппой? И одному богу известно, как она провела свою полную горечи и одиночества ночь.

10

– Доброе утро, Снегирёв! – сказал Иванов, проходя со своими мимо дежурки. – Как пришли вечер и ночь?

– Просто замечательно! – с ехидцей ответил младший сержант Снегирёв. – Начиная с трупача на Маяковского и кончая мордобоем на Столярной.

– Ясно, – сказал Иванов. – А чей трупак?

– Да мужика в подъезде ножом пырнули, – ответил Снегирёв. – Им сейчас Антипова занимается. Она и выезжала, как дежурный следователь.

– Хорошо, узнаем у неё! – сказал Иванов и пошёл. На встречу ему вышла из своего кабинета невысокая, полноватая улыбчивая брюнетка в синей паре, состоящей из брюк и пиджака, и белой блузке с синим галстуком. Это была следователь Марина Александровна Антипова.

– О, Марина, доброе утро! – сказал ей Иванов. – Слушай, кого там у тебя завалили на Маяковского?

– Да молодого мужчину по имени Валерий Гончаров, – ответила Марина.

– Кого?! – не веря ушам, переспросил Иванов, Антипова повторила имя и фамилию погибшего. – Вот блин горелый!

– Знакомый? – спросила осторожно Марина.

– Можно и так сказать, – ответил Иванов. – Он проходил свидетелем по моему делу о юной самоубийце Софии Цап-

линой.

– Ах ты ёлки-палки! – сказала Марина.

– А чего его на Маяковского занесло? – Спросила Дурова.

– По словам его девушки Анжелики Малининой, у них должно было там быть свидание, – ответила Марина.

– Ясно, – сдержано ответил Иванов. – Марина, ты сейчас к Андрееву?

– Да, – сказала она.

– Погоди: сначала проедем на Гагарина, так как он там жил со своей сожительницей Еленой Цаплиной! – сказал Иванов. – Ребята, мы на Гагарина, затем к Горынычу, а вы пока устраивайтесь.

– Хорошо! – ответил Маков.

– Я, пожалуй, с вами, – сказал Хвостов. – Заодно позволю Горохову, чтобы понятых организовал: вдруг чего найдём любопытное.

– Верно мыслишь! – одобрил Иванов, и все трое уехали.

По дороге в адрес Хвостов переговаривал с Гороховым, кратко объяснив, что и как, а Иванов также вкратце поведал Антиповой о том, что Гончаров жил с матерью погибшей, Еленой Цаплиной, а Малинина была их соседкой и, возможно, любовницей Валерия.

– О как даже! – удивлённо воскликнула Антипова. – Я об этом не знала! Эта Малинина мне сказала, что он был её массажистом и что у них был роман, а также, что у них вчера должно было быть свидание. Не скрою, я внутри себя по-

женски даже немного посочувствовала ей. – Иванов понимающе кивнул.

– Ну, правильно: дура она тебе, чтобы сказать, что она с чужим мужиком шуры-муры крутила?

– Да уж! – многозначительно произнесла Антипова, после чего повисла небольшая пауза. Иванов хотел закурить, но вспомнил, что Марина не выносит запах курева, и решил это сделать после разговора с Цаплиной.

– При убитом что-нибудь было? – спросил Иванов.

– Только пустой бумажник, – ответила Антипова. – Даже паспорта не бело. Его опознала та же Малинина, будучи понятой. Кстати: от погибшего ещё пахло алкоголем!

– Ясно, – хмуро ответил Иванов. – Ну, на счёт алкоголя всё объяснимо: в семье, очевидно, поминки по падчерице были. А паспорт его у тебя скоро будет! На счёт же бумажника мыслю так: вероятно, нашего Дон Жуана пырнул какой-нибудь накроша, «обчистил» его, взяв всё, что можно – то денег до мобильника и часов, да и свалил. Часы с мобильником где-то сплавил, дозу купил и лёг на дно. Кстати, а на подъезде была камера наблюдения?

– Была, но она была сломана, – с огорчением ответила Антипова. – Неужели «глухарь»?

– Чёрт его знает! – ответил Иванов, подъезжая к дому Цаплиных. – Если попробовать покопаться, например, в личных вещах убитого, возможно, и найдётся маленькая зацепка.

Едва они въехали во двор, как увидели возле первого подъезда неотложку.

– Чёрт, это ещё к кому? – сказал Иванов.

– Сейчас выясним! – отозвался Хвостов. – Вон Горохов стоит, курит, ждёт нас, может, он что знает.

Горохов, завидя своих, послал окурок точным броском в урну и пошёл навстречу.

– Здорово, Вася! – сказал Хвостов, пожимая руку другу. – К кому «скорая»?

– Боюсь, что в нашу квартиру, – сказал Горохов. – Но кому именно – не знаю, так как у хозяйки гости, как я понял из слов одной из понятых.

– Оперативно! – отметил Иванов. – Сейчас во всём разберёмся.

– Господи, бедная женщина! – сказал участковый, поднимаясь на шестой этаж. – Только что дочь потеряла, теперь ещё и мужика завалили. За что ей это?

Иванов только пожал плечами, не находя ответа. Лифт остановился на нужном этаже, где сыщиков ждали курившие на площадке соседи Цаплиных, приглашённые в качестве понятых. Все направились к квартире Цаплиных. Иванов позвонил в звонок, дверь открылась и на пороге возникла рыжеволосая и высокая женщина. Звали её Анастасия.

– Здравствуйте! – сказала она.

– Здравствуйте! Уголовный розыск, следователь Иванов, – ответил Иванов, показав удостоверение. – Нам бы Елену Юрьевну Цаплину увидеть.

– К сожалению, Елене Юрьевне очень плохо, – ответила Анастасия. – Мы ей даже неотложку вызвали, так как её рвёт...

– Понятно, – сказал Иванов.

– Но я её сестра, и если что-то надо, скажите – а я передам.

– К несчастью, да, – с грустью произнёс Иванов. – Передайте, пожалуйста, Елене Юрьевне, что вчера погиб её сожитель, Валерий Гончаров. Вот, следователь Антипова расследует это убийство.

– Ах ты, Господи Иисусе! – воскликнула, перекрестившись, Анастасия.

– Нам был нужен паспорт убитого, и мы бы хотели осмотреть его вещи, – сказала Антипова.

– Извините, я не могу вам помочь, – виновато сказала Анастасия. – Я здесь приезжая, приехала племянку хоронить... Но я всё передам Елене, когда ей полегчает.

– Простите, вас как зовут? – вмешалась Антипова.

– Анастасия Николаевна, – ответила Анастасия.

– Так вот, Анастасия Николаевна, – начала напористо Антипова, – убили человека. И мне необходимо изъять документы и вещи, принадлежавшие погибшему, для работы. Мы лишнего не возьмём.

– Я всё понимаю, – спокойно отвечает Анастасия. – Но

поймите и вы меня: как я буду объяснять сестре, что я в её квартиру впустила посторонних, и позволила тут что-то искать?

– Хорошо, мы заедем дня через два, – сказал Иванов, желая пойти навстречу сестре хозяйки. – Или пусть она позволит следователю Антиповой, Марине Александровне. – Антипова записала телефон и подала его Анастасии. – До свидания.

– До свидания, – ответила Анастасия и закрыла дверь. Иванов отпустил понятых, простился с Гороховым, тоже сделали Хвостов и Антипова, и все разъехались по своим делам. Следующая остановка – кабинет Судмедэксперта Андреева.

– Блин, что делать? – выругалась Антипова.

– Ты о чём, Марина? – спросил Хвостов.

– Да просто у меня нет на руках ни документов погибшего, ни его вещей, которые дали бы мне хоть дохленькую зацепку, – ответила Антипова.

– Марина, а ты полистай его «социалку»: возможно, там найдётся что-то интересное! – предложил Хвостов. И не ошибся: Марина нашла страничку Валерия Гончарова; а, войдя туда, обнаружила там целую галерею фотографий и рисунков с изображением голеньких девочек-подростков. Хвостов, увидев это, от удивления протяжно свистнул.

– Ни хрена себе! Он что, педофил?

– Боже, какая мерзость! – возмутилась Антипова.

– Стоп-стоп! – сказал Хвостов, увидав знакомое ему ли-

цо. – Перебрось, пожалуйста, эту светловолосую спящую красавицу в постельке ко мне!

– Зачем тебе? – удивилась Антипова.

– Это наша погибшая Цаплина-младшая, – сказал Хвостов.

– Вот оно что! – поняла Антипова. – Лови!

Фотография изображала Соню Цаплину во время сна. Очевидно, одеяло девочки сползло на пол, обнажив тем самым и её ножки, и её ягодицы, которые и без того оголились по вине задремавшейся ночнушки. Как погибший (а возможно, и Елена или даже они вместе!) это сделали – остаётся загадкой. Прибыв на место, Хвостов показал фото Иванову.

– Вот скотина! – выпалил следователь. – Кира, надо проверить эту фотографию: если это не «липа», то приобщаем к делу.

– Понял, сделаем! – сказал Хвостов, и он, оставшись на улице, скинул фотографию криминалисту Ольге Орловой с пояснением, что с ней надо сделать и как срочно, а Антипова с Ивановым пошли к Андрееву.

Кабинет Андреева был светлым и просторным. В центре стоял стол для осмотра трупов, рядом письменный стол, где Андреев писал заключение. Он уже закончил, когда к нему вошли Иванов и Антипова. Хвостов остался на улице.

– Доброе утро, Олег Гаврилович! – сказала Антипова. – Чем порадуете?

– Если коротко, то дело было так, – начал Андреев. – Наш погибший скончался от кровопотери вследствие ножевого ранения под левой лопаткой. Причём, судя по раневому каналу, били снизу вверх, и бил явно профи, так как рана довольно глубокая. Перед смертью наш товарищ хорошо выпил и закусил. Как-то так. Остальное всё написано в заключении. – подаёт Антиповой бумагу.

– Спасибо, Олег Гаврилович! – сказала Анастасия, беря у Андреева заключение. – Я, пожалуй, пойду на улицу, Пал Саныч.

– Я сейчас догоню тебя, – сказал Иванов. Антипова простилась с Андреевым и вышла. – Слушай, Горыныч, ты можешь проверить нашего убитого на предмет изнасилования погибшей Цаплиной-младшей? Не могу отделаться от мысли, что это его рук дело.

– Я тебя понял, Саныч. Сделаю! – ответил Андреев, и на том они простились с Ивановым. Выйдя на улицу, Иванов закурил, перекинулся по паре фраз с коллегами по делу, и после все они поехали в отдел.

Тем временем, пока Иванов, Антипова и Хвостов делали свои дела, в кабинет к Макову и Дуровой постучали.

– Да, войдите! – крикнула Дурова. Дверь открылась – и в кабинет вошла невысокая, пышнотелая и кудрявая женщина средних лет. Её лицо и глаза были добродушными, а голос мягким.

– Здравствуйте! – сказала она. – Мне бы следователя, который ведёт дело о гибели Софии Цаплиной.

– Следователя пока нет, но вы можете рассказать всё нам, так как мы тоже работаем по данному делу, – предложила Дурова.

– Хорошо! – согласилась посетительница. – Простите, а с кем я разговариваю?

– Старший лейтенант Дурова, Анна Николаевна, – представилась Дурова, показав удостоверение.

– Гуляева, Людмила Игнатьевна, – назвалась женщина. – Вот мой паспорт.

Дурова взяла паспорт, чтобы списать данные, и пригласила Гуляеву к своему столу.

– Итак, что вы хотите нам сообщить? – спросила Дурова.

– Если честно не знаю, с чего начать, – призналась Гуляева. Однако, собравшись с мыслями, начала свой нелёгкий и печальный рассказ.

– Начну, пожалуй, с того, что я была для Сони крёстной матерью, любила её и считаю нужным защитить её доброе имя. – начало уже заинтриговало обоих сыщиков.

– И отчего вы хотите защитить имя вашей крестницы? – с интересом спросила Дурова.

– От той мерзости и грязи, в которой изваляли Соню её мать, Елена Цаплина и её любовник, Валерий Гончаров, и по чьей вине Соня погибла. – услышанное слегка удивило Дурову.

– А на основании чего вы обвиняете в гибели Сони мать и её, как вы выразились, любовника? – спросила она.

– Сейчас я вам всё расскажу, – сказала Гуляева и продолжила рассказ. – В начале весны, в середине марта (числа не помню) Сонечка попросилась ко мне в гости. Я всегда была рада её видеть, тем более, были выходные – почему бы не повидаться! Я согласилась. Соня пришла к нам с мужем в субботу, к шести часам вечера. Мы сели ужинать... Однако после ужина Соня попросила меня поговорить с ней наедине. Муж вышел с собакой, а мы остались дома... И вот тогда Соня мне рассказала, как её прошлым летом изнасиловал сожитель её матери, Валерий Гончаров.

– Как вы сказали? Изнасиловал? – спросила Дурова, не поверив ушам.

– Ну да! – уверенно сказала Гуляева. – Во всяком случае, так мне сказала Соня. А что?

– Ничего страшного, продолжайте, пожалуйста! – ответи-

ла Дурова. – При каких обстоятельствах произошло изнасилование?

– Как мне рассказала Соня, всё произошло так: был жаркий день – и Соня дома ходила в шортиках и в топе. Она гладила бельё, смотря при этом телевизор. Валера сидел рядом на диване и бесстыдно рассматривал Соню. Её это стало бесить, и Соня тогда сказала Валере: «может, мне догола раздеться, чтобы тебе было бы интереснее меня разглядывать?». По словам Сони, она так хотела пристыдить Валеру, а вышло иначе – он её раздел и изнасиловал. А когда Соня попыталась пожаловаться матери на это всё, Валера наврал Лене, что это Соня ввела распутно и сама его соблазнила... Ну не бред? Итог – Лена выпорола Соню, и их отношения окончательно расстроились.

– Скажите, Людмила Игнатьевна, – обратился Маков, – а это был единичный случай, когда вашу крестницу изнасиловали?

– Соня мне говорила, что это повторялось всё то время, что они жили вместе, – ответила Гуляева. – В конце разговора Соня передала мне свой дневник, где всё написано более подробно и о том, о чём я только что рассказала, и о многом, чём ещё, и попросила, чтобы передала его в милицию, если что-то с ней случится. – Гуляева достала маленькую синюю тетрадь и передала её Дуровой. – Ещё Соня очень сильно меня попросила, чтобы я сохранила наш разговор в тайне, дабы ей не стало хуже. Я думаю, она боялась повторной порки от

матери, и потому я той ничего не рассказала.

– Разрешите полюбопытствовать? – спросил Маков, беря дневник для ознакомления.

– Да, конечно! – ответила Гуляева, и Маков стал читать.

– Скажите, Людмила Игнатьевна, а Соня не могла всё это сочинить? – спросила Дурова.

– Нет! – твёрдо сказала Гуляева. – Соня физически врать не умела: ей было проще сознаться в своих каких-то проделках, чем как-то изворачиваться. Да и зачем?

– Ревность матери к её мужчине или обида на неё за что-то... – предположила Дурова.

– Нет, это точно не про Соню! – также твёрдо сказала Гуляева. – Я Соню знаю с годовалого возраста и на моей памяти это был всегда разумный и добродушный человечек, с которым не было каких-либо серьёзных проблем. Да, бывало, в детстве она и пошалить могла, и похулиганить, но при этом и меру знала, и где это можно делать, а где нельзя. А чтоб надолго затаить на кого-то обиду – тоже вряд ли: Соня, конечно, могла и обидеться, и вспылить, но она и быстро отходила от этого... По крайней мере, я не могу вспомнить случая, чтобы Соня на что-то на долго обиделась.

– А вас не насторожили слова Сони «если что-то со мной случится»? – спросила Дурова.

– Насторожили, – ответила Гуляева. – Я спросила её, что она имела ввиду? Она мне сказала: «Я боюсь, или они меня в гроб вгонят, или я туда сама лягу».

– То есть, погибшая ещё тогда говорила о своей смерти? – спросил Маков, прервав чтение. – Да, – с горечью сказала Гуляева и заплакала. Маков дал ей воды. Попив и слегка успокоившись, она продолжила. – Я умоляла Соню, чтоб она не брала греха на душу, а переезжала к нам, раз так всё плохо. Она сказала, что если будет сильно невмоготу, она так и делает. А я, дура, тем и успокоилась, а нет бы, чтоб самой побежать по опекам, по судам, чтоб они там разобрались, что к чему, и, если нужно, лишили бы Лену родительских прав.

– Даже так? – удивившись, спросила Дурова. – Неужели Елена Цаплина была такой плохой матерью?

– Честно говоря, я и не знаю, что сказать... – замялась Гуляева. – Понимаете, передо мной как два разных человека: одна Лена – та, которую я знала до её романа с Валерием, как хорошую подругу и куму, а также любящую и заботливую мать... По крайней мере, я так думала. А когда Лена сошлась с Валерием, она изменилась до неузнаваемости! У неё Валера был всегда на первом месте в разговоре со мной, а потом уже Соня. Сначала я понимала Лену: нажилась без мужчины и, слава богу, встретила, как я думала, хорошего человека, влюбилась, вот он у неё и на первом месте... Однако, когда я увидела Валерия, придя как-то раз к Елене в гости, то он мне почему-то не понравился: вроде милый и обходительный, но в тоже время какой-то скользкий тип. Помню, я тогда Лене прямо сказала, что он у неё надолго не задержится. Она ответила: «насколько задержится – всё моё».

Да, Валерий околдовал, овладел Леной абсолютно! Правда, я не предполагала тогда, чем всё кончится. И только после разговора с Соней, а потом, услышав, как Лена материла её на поминках за то, что Соня погибла, а к ней теперь милиция приходит, как на работу, и, прочитав Сонин дневник, я увидела, что Лена её совсем не любила.

– Большое спасибо вам, Людмила Игнатьевна за показания, – сказала Дурова. – Вы можете быть свободны.

Гуляева с усталым взглядом кивнула, встала и уже собралась выходить, когда в дверь вошли Иванов и Хвостов.

– О! я вижу, у нас гости! – слегка иронично заметил Иванов. – Здравствуйте!

– Здравствуйте! – ответила Гуляева.

– Да, Пал Саныч! – ответил Маков. – Вот, свидетель Гуляева, Людмила Игнатьевна, крёстная Софии Цаплиной, пришла дать показания по нашему делу, даже вещдок предоставила – дневник погибшей. – обратившись к Гуляевой. – Это наш следователь, Павел Александрович Иванов.

– Примите мои соболезнования, – сказал Иванов. Гуляева благодарно кивнула. – Что ж, давайте побеседуем!

– А мы уже, Пал Саныч, побеседовали, – сказала Дурова.

– О, как хорошо! – воскликнул Иванов. – Тогда до свидания, Людмила Игнатьевна.

– Всего доброго! – сказала Гуляева и вышла из кабинета.

Едва закрылась дверь кабинета, как Дурова в двух словах рассказала Иванову всё то, о чём они говорили с Гуляевой, и даже передала протокол допроса. Иванов, сев за свой стол и зажав левой рукой свой подбородок, стал внимательно читать. Лицо его было спокойным, даже холодным.

– Так! – сухо произнёс Иванов, дойдя до слов об изнасиловании. – Значится, всё-таки девчонку насильовали в семье.

– Если верить словам Гуляевой, выходит так, Пал Саныч, – сказала Дурова. – Честно скажу, нам с Денисом самим было не по себе от такой дичи.

– Кстати, Пал Саныч: об этом же и сама погибшая пишет в дневнике, – заметил Маков. – Знаете, я бегло, правда, но полистал: там что ни запись, то какой-то порно-рассказ.

– Денис, позволь глянуть дневничок! – попросил Иванов, и, получив от Макова тетрадь, приступил тотчас к чтению.

Из дневника Софии Цаплиной

«Если честно, я даже не знаю, как начать эти записи. Стыд такой, что не знаешь, куда деться. И больше всего мне стыдно за мою мать, которую я обожала. А дело вот в чём: мама прислала мне в личку фото своего портрета, нарисованного Валерой, где она полностью голая. Нечего сказать, нашла, чем похвалиться! Никогда бы не подумала, что живу с такой бесстыжей тварью. А маме я сказала, что если она дура, то пусть хотя бы не всем этим хвастается. Мама мне за это надавала пощёчин. Нормально? Сама без ума, а дочь виновата! Фотку я удалила, но как с этим теперь жить – я не знаю. Валера также кажется мне каким-то извращенцем, раз рисует такую гадость. Вообще с появлением у нас Валеры у нас с мамой как-то всё пошло шиворот-навыворот: мама просто помешалась на Валере, вплоть до того, что они каждый день занимаются любовью безо всякого стыда и не смотря на то, что я за соседней стеной слышу их охи-вздохи, и мне от этого не по себе... Помню, я как-то попробовала маме сказать, чтобы они хотя бы делали всё это, когда я в гостях у тётки Люси, на что мне было сказано: «ты скоро сама этими делами будешь заниматься. Так что привыкай».

– В каком смысле? – спросила я.

– Скоро узнаешь! – сказала мама и ушла на работу.

Меня эти её слова очень напрягают. Похоже, она ко мне

охладела, как к надоевшей игрушке. А может, я и вправду была игрушкой? И что меня ждёт дальше – я не знаю».

– Ничего себе! – сказал Иванов, прервав чтение. – Вот тебе и любящая мать! Интересно, а у самой Цаплиной-старшей есть фотография, о которой пишет дочь? Ведь она наверняка ей кому-то ещё могла похвастаться.

Не дожидаясь просьбы следователя, Дурова быстренько нашла и страницу Елены Цаплиной, и (о, боже!) фото того самого портрета в стиле ню, о котором писалось в дневнике Соней. Причём, что шокировало сыщиков: фото было не среди остальных фотографий, чтобы его хотя бы не сразу можно было найти, а на странице, мол, любуйтесь на меня во всей красе! И разве дочка была не правой, называя мать дурой? Как можно было видеть по комментариям, такого же мнения были многие подруги и коллеги Цаплиной-старшей по издательству. Однако, судя по тому, что фото ещё висело, мамаше, очевидно, было глубоко плевать на мнения других.

– А ещё приличная женщина! – невольно сказал Иванов. – Очевидно, ребятки, мы с вами столкнулись с какой-то сексуально озабоченной семейкой.

– Да уж! – поддержала Дурова. – И, как можно видеть, мамаша одна из наиболее озабоченных, раз выкладывает своё ню на своей странице! Я бы сказала, что она больная. – Что ж, если опереться на ЭТО, да попробовать поверить дневнику погибшей в купе с показаниями Гуляевой, то это ещё одна улика в пользу того, что её довели до ручки именно дома! –

сказал Иванов.

– А разве есть ещё какая-то улика? – спросил Маков.

– Возможно, да! – сказал Хвостов. – Мы с Антиповой по дороге в морг посмотрели соцсеть погибшего Гончарова, так нашли там до фига рисунков и фоток с голенькими девочками, среди которых была и, возможно, фотография погибшей Цаплиной-младшей в постели. Её сейчас Орлова проверяет на подлинность.

– Он что, педофил? – оторопев, спросила Дурова.

– Очевидно, да! – сказал Хвостов. Услышав такое, Маков очень сильно выругался, хотя обычно он матом не пользовался никогда! – Денис, я тебя понимаю, сам бы этому гаду яйца оторвал за такое. Да, кстати: я краем глаза успел заметить, что на странице Гончарова указан детдом №5.

– Думаешь, он оттуда? – спросил Иванов задумчиво. – Ну, попробуйте с Маковым туда проехаться, может, найдёте чего на этого фраера. Чем чёрт не шутит!

– Сделаем! – сказал Хвостов.

– Кира, только дойдём тут недалеко до мамы: я свою машину там оставил, – сообщил Маков.

– Без проблем! – ответил Хвостов, и ребята вышли.

– Ёлки-палки, что же я раньше не подумал? – воскликнул Иванов.

– О чём, Пал Саныч? – спросила Дурова.

– Да надо было от Горыныча проехать в паспортный стол

и всё там узнать про нашего Гончарова! – сказал Иванов.

– А если я съезжу? – предложила Дурова.

– Будь другом! – попросил Иванов. – Заодно Антипову возьми – ей тоже будет интересно.

– Только такси вызову, – сказала Дурова. Иванов позвонил следователю Антиповой и предложил ей проехать вместе с Дуровой до паспортного стола за информацией о её погибшем. Та согласилась, и через минуту обе женщины уехали. Иванов же продолжил изучать дневник Цаплиной-младшей и начал с записи, где было написано «Неделю спустя»: «Попыталась помириться с мамой. Лучше бы я этого не делала: я – ей «мамочка, любимая, прости, пожалуйста...», так как понимаю, что и сама была тоже неправа. Я надеялась, что мы обнимемся и поцелуемся... А что же мама? Она посмотрела на меня какими-то чужими, холодными глазами, сказала мне с ухмылкой «ну-ну» и ушла. Я стояла в гостиной, как дура, и не знала, что с этим делать, как понять? После чего убежала к себе, плюхнулась на кровать и заревела с такой горечью, какой у меня не было никогда. Получается, это только мне от ссоры с мамой было плохо, а ей хорошо? Похоже, я была права, когда писала, что мама охладела ко мне, как к надоевшей игрушке... Я ей больше не нужна».

Последние две фразы удивили и огорчили самого Иванова. И здесь не знаешь, чему удивляться больше: тому, что девочка сама сформулировала свою догадку о своей ненуж-

ности, или дрянной матери, променявшей, по сути, родную дочь на пошляка-любовника, и готовой позировать ему с голым задом? То, что мамаша – женщина с пониженной ответственностью, это понятно, как дважды два. Но чем ей дочь мешала? Тем, что та не принимала ни материнского любовника, ни новые правила жизни? А может, эта парочка так и хотела свести несчастную в могилу? Если подумать – почему бы и нет? Довели девочку до «ручки» – и порядок! И, возможно, никто бы ничего не узнал, не выйди на свет божий этот дневник.

Читая следующие записи, Иванов ещё сильнее уверялся в том, что всё шло из семьи: «Валера настоящий извращенец! Сегодня днём получаю от него сообщение с фотографией, где я была запечатлена спящей на своей кровати с голой попой, поскольку ночнушка задралась, а одеяло сползло на пол. И, очевидно, спала крепко, раз ничего не услышала! Но дело не в этом, а в том, какую гадость он мне написал: «Какие у тебя красивые, стройные, загорелые ножки, а какая упругая попочка! Я просто-таки любовался этой картиной! Как бы я хотел их погладить, потрогать и поцеловать...». Я его в ответ послала куда подальше, а всю эту мерзость удалила. Да, я ему ещё написала, что пожалуюсь маме, если ещё раз увижу что-то такое. Не знаю – понял ли меня?»

Иванов тотчас вспомнил описываемый погибшей снимок и мысленно согласился с ней в том, что это была мерзость. А вкупе со словами Гончарова – тем более! Но вот вопрос: де-

вочка ссылается на свой крепкий сон. Её ли это природный сон такой или погибшую чем-то опоили? Например, подмешали девочке в чай лошадиную дозу снотворного – вот тебе и крепкий сон! Почему бы нет, хотя бы как версия? Она спит, а ты твори с ней всё, что угодно! Вполне может быть, что и мамаша могла чем-то здесь помочь: скажем, мама у дочки всё заголяет, а любовник снимает... По крайней мере, такого варианта тоже нельзя пока исключать. От такой гадости Иванова невольно передёрнуло. Он прервался, чтоб налить себе из термоса чая и попить, после чего вернулся к дневнику Цаплиной-младшей, где читал уже записи одну за одной. Вот они: «Валера не просто извращенец, а ещё гад и падонок! Он сегодня меня изнасиловал. Дело было так: я в гостиной гладила бельё, одетая, как всегда, в шорты и топик, так как было жарко. Валера сидел на диване и смотрел телевизор. В какой-то момент я заметила, что он разглядывает меня с ног до головы. Меня это взбесило, и я решила его пристыдить, сказав ему: «слушай, может, мне догола раздеться, чтобы тебе интереснее было меня разглядывать?». Однако мои слова возымели обратный эффект: сказав мне «давай попробуем!», этот урод сорвал с меня шорты с трусами и, повалив на диван, изнасиловал. Даже стыдно писать то, что он мне говорил при этом... Я так и удрала потом голой к себе, сцапав мои вещи. Мне было стыдно, а этот козёл сидел и ржал мне вслед. А после, когда я ему пригрозила, что всё матери скажу, он мне сказал: «Если ты откроешь рот, то

очень об этом пожалеешь. Будет лучше, если о нашей шалости никто ничего не узнает. Надеюсь, ты поняла меня». По хлопав меня по щеке, Валера вышел погулять. Я сижу, пишу эти строки и не знаю, что мне делать... А главное, что мне будет, если я расскажу всё маме?». От последующих записей у Иванова сделался шок, и невольно вновь сошло с языка: «Ничего себе любящая мать!».

«Прошло два дня. Я долго думала – рассказать ли маме о том, что сделал Валера со мной? Решила рассказать... И теперь жалею об этом. Я думала, мама мне поверит и выгонит этого гада, а ещё лучше – заявит в милицию... Увы: Валера ей наврал, что это я сама, раздевшись догола, извивалась перед ним, как змея, и соблазняла его... И мама поверила ему, а меня отодрала, как собачонку. Про то, какими словами она меня при этом ругала, я и не говорю! Как я ни умоляла маму пощадить меня, ничего не помогало. Мама перестала пороть меня только тогда, когда её силы закончились. После чего она ушла, а я так и лежала голой на постели и плакала от боли и оскорблений. Неужели я предана своей матерью? Но почему? За что? Не знаю».

Или вот ещё: «Утро. Войдя в кухню, чтобы вскипятить себе чайник, я встретила Валеру.

– Доброе утро! – сказал он, улыбаясь. Я хотела ему в эту улыбку плюнуть... Гад бесстыжий!

– Пошёл ты! – резко сказала я и хотела включить чайник, но была поймана Валерой за руку, затем он припёр меня сте-

не и, держа почти удушающей хваткой за горло, ласково говорил со мной:

– А ведь ты сама виновата! Если бы ты молчала в тряпочку, и я бы маме ничего не сказал. А так – пеняй на себя! Однако есть выход, чтобы всё наладить!

– Какой? – спросила я.

– Очень просто! – весело сказал Валера. – Ты мне даёшь вечерами пошалить с тобой, а я помирю тебя с мамой. Ну, так как?

Стыдно признаться, но я сдалась, поскольку очень хотелось помириться с мамой. В девять часов вечера, когда я буду ложиться, он придёт. Со стыдом жду сегодняшнего вечера. А в школу я так и ушла голодной, так как после того разговора мне никакого чая уже не хотелось. Поела в столовке».

«Какая же ты скотина, Валера! – думал Иванов, дочитывая эту запись погибшей и перейдя к следующей, где Соня не без стыда описывала всё происходящее вечером того же дня. – Да туда тебе, гадёнышу, и дорога за твои художества!». Даже ему, следователю и взрослому человеку, было не по себе, когда он читал и о том, как Валера целовал и всячески жулькал Соню, и о том, как они легли голышом в постель, где Валера творил с Соней, что хотел, и о том, как этот гад нахваливал её губки и попку, которую затем и «трахал»... А что уж говорить о том, что самой погибшей, по её словам, было гадко это вспоминать?

Однако две последние точки поставили две же последние

записи: «Прошло два дня. Валера меня не обманул: помирил нас с мамой. Он уговорил её простить меня, обставив всё произошедшее, как мою нелепую шутку. И мама простила меня... Я понимаю, что это было так, для виду... Но хоть так, чем вообще никак! Я же буду очень стараться простить маме все её побои и оскорбления, нанесённые мне. Однако я никак не ожидала услышать от Валеры следующее: «Если ты хочешь, чтобы твоя любовь с мамой была постоянной, то и ты сама должна постоянно заниматься со мной любовью. – я так и обалдела. – А ты что думала? Бесплатно ничего не делается!». Сказать, что я влипла, – не сказать ничего!».

«Случайно подслушала один разговор мамы и Валеры. Они сидели на кухне и говорили обо мне, а я шла туда – взять себе питья. И что я слышу:

Валера. Знаешь, Лена, боюсь, что Соньку надо будет убирать: или убить, или закрыть в психушке до конца дней. Я пока не решил!

Мама. Я тебе не дам что-либо сделать с моей дочерью!

Валера. Да! Ты вспомнила, что она твоя дочь? А какого дьявола ты её под меня всё это время подкладывала, мамаша ты хренова? А?! – молчание. – Или забыла, чья была идея дочу изнасиловать?

Не дослушав разговор, я тихонько вернулась к себе. На душе так гадко, что самой жить не хочется. Уж лучше сама убьюсь, чем дам себя сгноить в психушке». На этом дневник закончился. Едва Иванов закрыл тетрадь, как ему позвони-

ла криминалист Ольга Орлова: она сообщила ему, что фотография погибшей Софии Цаплиной, где она в стиле ню, настоящая.

– Спасибо, Оля! Сейчас я к тебе подойду, – ответил Иванов. Только он положил трубку и вышел из-за стола – звонит Горыныч и сообщает, что это Гончаров имел близость с погибшей Цаплиной-младшей. – Горыныч, я твой должник! Я сейчас к Орловой, а потом к тебе.

Из кабинета Иванов вышел с мыслью: «Неужели пазл сложился?»

Однако пора бы вернуться к погибшему Гончарову. Надо сказать, что он не соврал Елене, рассказывая ей про детдом. И всё же кое-что он приврал: своих родителей, а точнее, свою мать, Надежду Егоровну Гончарову, он знал. Другой вопрос, что её лишили родительских прав, когда Валере было девять лет, за разгульный образ жизни. И лишили по сигналу одной из соседок, которая частенько, когда мамаша пропадала на два-три дня, загуляв у какой-то знакомой собутыльницы, могла и помыть, и покормить мальчика. Какое-то время Валера ждал маму, надеялся, что она его заберёт из детдома... Однако, делаясь старше, он яснее понимал, что мать на него плюнула и забыла, и он тогда её тоже забыл. Эту же историю рассказала сыщикам директор детдома, Варвара Ивановна Лосева, которая до того была воспитателем Гончарова. Весть о его убийстве была для неё настоящей болью.

– Он мне был, как родной сын, – сказала она, вытирая слёзы. – После выпуска Валера сначала чаще ко мне приходил, потом пореже, но всё равно не забывал меня, слава богу.

– Скажите, пожалуйста, Варвара Ивановна, а каким погибший был человеком? – спросил Маков. – Был ли он общительным или наоборот, замкнутым и так далее?

– Я вам скажу так, – подумав, начала Лосева. – Валера был вроде бы и общительный, но общался и играл только с теми ребятами, с кем сам хотел общаться и играть; в учёбе он был небестолковый, но и нельзя сказать, что он был прямо всезнайка: спросят – ответит, нет – и вылезать не будет. Но в целом же Валера был хорошим мальчиком.

– Спасибо, Варвара Ивановна. Примите наши соболезнования! – сказал Маков.

– Простите, а когда я могла бы забрать Валерочку для похорон? – спросила Лосева.

– Как только с телом погибшего будут проведены все необходимые для следствия мероприятия, вам его выдадут, – ответил Маков.

– Тогда возьмите, пожалуйста, мой номер телефона, чтобы связаться со мной! – попросила Лосева. Она скоренько написала свой номер на листке из блокнота и отдала его Макову. – Всего хорошего.

– Спасибо, до свидания, – ответил Маков, и сыщики ушли. Уже в машине Кирилл спросил Дениса:

– Слушай, а что ж ты не спросил эту Лосеву о том – про-

являл ли её воспитанник когда-либо нездоровый интерес к голеньким девочкам?

– Во-первых, Кира, – начал Маков, – ты сам слышал, как она о нём говорила: «Он мне был, как родной сын». И мне надо было спрашивать её о такой мерзости? Пусть хоть у неё останется светлая память об этом гадёныше. – Хвостов согласился. – Во-вторых, даже если бы она что-то такое знала – не факт, что она бы этим с радостью поделилась добровольно, поскольку тоже не дура, чтобы это всё выкладывать без оглядки.

– Да, Денис, тут ты прав! – вновь согласился Хвостов. – А потом, чёрт его знает: может, он с этой Лосевой был хорошим мальчиком, а без неё вот таким падонком.

– Вот! – поддержал Маков. – Так что потерпи: не сегодня – завтра мы дожмём Цаплину-старшую и постепенно докопаемся до подноготной её любовника.

Хвостов кивнул головой и дальше они поехали молча. Тем временем Дурова и Антипова, наведя справки в паспортном столе, выяснили, что погибший Валерий Гончаров до изъятия его из семьи жил по адресу – Первомайская, 9, квартира 8, и жил он там с матерью, Надеждой Егоровной. Однако, прибыв в адрес, они узнали, что квартира давным-давно продана, а хозяйка уехала куда-то и с тех пор о ней ни слуху, ни духу. Несолоно хлебавши сыщицы вернулись в отдел, где поделились данной информацией с остальными. Маков и Хвостов также поделились добытыми сведениями из дет-

дома.

– Кстати, Марина, директриса просила позвонить ей, когда можно будет забрать убитого для похорон, – сказал Маков, протягивая Антиповой бумажку с номером.

– Лосева, Варвара Ивановна? – спросила Марина, читая данные. – Хорошо, я позвоню, спасибо. Да, Кирилл! Я тут кое-что вспомнила: когда мы приехали, я пошарилась по странице Гончарова и нашла там ссылку на один его блог.

– И что? – спросил Хвостов.

– А то, что среди постов я нашла и те, в которых он пишет и про вашу погибшую Софию Цапину, – ответила Антипова и показала блог Гончарова, все прильнули к смартфону.

– Вот скотина! – сказал Маков. – Мало того, что девчонку насильовал, да ещё и пиарился на этом. Марина, можно я сношу всё это Орловой, чтобы распечатать для дела? – Да, конечно! – ответила Антипова, и Маков, взяв смартфон, убежал к Орловой.

– Что ж, – произнёс Иванов, подводя предварительный итог. – Пожалуй, настало время поговорить с мамашей нашей погибшей более конкретно! Тем более, что и поводов для этого вполне достаточно.

Слава богу, Елена немного пришла в себя. Голова ещё болела, но тошнота успокоилась. Найдя свой розовый халат и набросив его, она тихонько поползла на кухню, чтоб попить.

– Ленка идёт! – сказала Наталья Анастасии, та оглянулась, встала, помогла сестре дойти до своего же стула и сесть. – Как ты, Ленуля?

– Средней паршивости, – хмуро ответила Елена. – Дайте что-нибудь попить!

– Чай будешь? – спросила Анастасия. – Давай с мёдом, для поднятия сил!

– Давай! – тем же тоном ответила Елена. Анастасия сделала сестре чай, подала мёд, Елена попила немного – ей полегчало... И вдруг она спросил сестёр: – Девочки, а где Валера?

Обе сестры сникли, понимая, что им придётся сообщить Елене ещё одну горестную новость... Однако деваться некуда, тем более, что Елена повторила вопрос. Первой слово взяла Анастасия.

– Лена. Тут утром приходили из уголовного розыска... Валеру убили.

– Когда убили? – в шоке спросила Елена.

– Он вчера вечером вышел прогуляться, а потом его нашли убитым, – пояснила Анастасия.

– Господи! За что мне это всё? – произнесла Елена, начи-

ная рыдать. – За что, господи? За что?!

Она припала к Анастасии и стала сильно-сильно рыдать. Наталья подсела рядом и стала гладить сестру по спине, желая хоть немного снять боль, нахлынувшую на неё с новой силой и ставшей, кажется, нестерпимой. На рыданья выбежал из гостиной муж Анастасии, чтобы справиться, что случилось, но та его жестом услала назад, давая понять, мол, всё под контролем.

– А кто приходил из розыска – мужчина или женщина? – спросила Цаплина, придя в себя.

– И мужики были, и женщина была, – ответила Анастасия. – Вот, она тут тебе телефон свой записала.

– Антипова, Марина Александровна? – спросила Цаплина.

– Да! – ответила Анастасия. – Они хотели изъять паспорт и вещи Валеры, но я не дала, так как квартира не моя, и потом объясняй тебе, кто тут был и что брал... Слава богу, другой следователь оказался мужчина понятливый, и предложил вариант, что они через пару дней зайдут.

– Хорошо, я сейчас умоюсь и перезвоню, – сказала Цаплина. – Ах, Валера-Валера! Какой чёрт тебя понёс гулять?!

– Ты на чёрта всё не вали! – отозвалась Наталья. – Никто не знает, где и как наши жизни оборвутся, вот и оставь нечистого в покое! А лучше – помолись за упокой души убитого! Ничего, всё понемногу пройдёт.

Наталья поцеловала Елену, та вяло улыбнулась, встала и

пошла сперва в ванную, а затем к себе в спальню.

– Знаешь, Ася, я бы с Леной побыла ещё немного, благо, и я, и Юра в отпуске – можем позволить чуть-чуть задержаться, – сказала Наталья. – Просто боязно её оставить вот так...

– Согласна с тобой, Наташа! – поддержала Анастасия. – Ленку так оставлять нельзя! Ничего себе: сначала дочь потеряла, а следом и мужика – это какая психика выдержит? Знаешь, я и сама попробую попросить на работе несколько дней за свой счёт, и Гришу попрошу об этом же. Да – хорошо, поможем вам немного, нет – не взыщи. – Наталья согласно кивнула.

– Пойду – гляну, как она там. – Наталья пошла в спальню Елены. Не прошло и полминуты, как оттуда донёся вопль. – Ася, помоги!

Анастасия влетела в спальню, как шаровая молния, следом влетели и мужья обеих сестёр. А случилось следующее: Елена попыталась повеситься на поясе от своего халата, привязав его к люстре. И лишь своевременный приход Натальи и её крик о помощи помешал сделаться роковому делу до конца. Анастасия мигом слетала в кухню за ножом, а Юрий, как самый высокий из мужчин, встал на лежавший на полу стул и обрезал удавку. Слава богу, несостоявшуюся самоубийцу спасли и привели в чувство. Мужчины, услышав, что их помощь больше не нужна, вернулись в гостиную.

– Ты что хотела сделать, идиотка?! – выругалась Наталья. – А если б дети случайно вошли и увидели всё это... Ты

подумала, что бы с ними было?!

– Девочки, я жить не хочу! – жалуется Елена. – Вы понимаете, что мне тяжело?!

– Тяжело ей! – повторила, передразнив сестру, Анастасия. – А нам будет легко и весело сперва Соньку схоронить, а затем тебя! Или, может, нам легко и весело без папы с мамой жить?

– А мы живём! – поддержала Наталья. – Для детей, для мужей, друг для дружки, для тебя, дурёхи... Вот подумай об этом хотя бы! – обращается к Анастасии. – Ася, делаем так, как мы с тобой говорили: остаёмся ещё на неделю. Хватит нам одной самоубийцы!

Та, молча, кивнула, после чего обе сестры вышли, а Елена повалилась на постель и долго рыдала... Скорее, от жалости к себе. Об Антиповой же она в тот день так и не вспомнила.

Прошло два дня. Как и было обещано ранее, Иванов, Антипова и опергруппа с понятыми пожаловали вновь на квартиру Цаплиной-старшей. Та встречала сотрудников розыска в добром здравии и спокойном настроении. Её волосы были заколоты в беличий хвост, на лице был лёгкий макияж, а одета она была в голубое трико и белую футболку с пальмами.

– Мне сестра сказала, что вы хотели взять вещи и паспорт Валеры? – спросила она Антипову.

– Да, Елена Юрьевна! – ответила Антипова. – Пожалуй-

ста, примите наши соболезнования и покажите, где погибший хранил свой паспорт и свои вещи!

– Да, конечно! – ответила Елена и проводила следователя, оперативников и понятых в свою спальню, где погибший хранил свои вещи. Туда же, возможно, для поддержки сестры, отправились Наталья и Анастасия.

Паспорт погибшего был найден быстро: он лежал на верхней полке шкафа между стенкой и стопкой одежды. В том же шкафу, но внизу, был найден ноутбук Гончарова. Однако открыть его не представлялось возможным, так как он имел пароль, а его знал только погибший.

– Ладно, братишку попрошу – пусть он попробует открыть, – сказала Антипова. Помимо ноутбука Антипова увидела на прикроватной тумбочке альбом и лежащую поверх него тыльной стороной обложки кверху недочитанную книгу, в которой закладка была вложена на том месте, где до конца оставалось страниц пятьдесят.

– Скажите, Елена Юрьевна, а это тоже вещи погибшего? – спросила Антипова.

– Да, это Валера читал и рисовал, – ответила Цаплина.

– Я взгляну? – спросила Антипова.

– Да, конечно! – ответила хозяйка.

Антипова подошла к тумбочке и стала рассматривать лежавшие там вещи. Книга, которую читал погибший, был роман Владимира Набокова «Лолита», рисунки в альбоме изображали в основном девочек в стиле ню... Словом, всё

было понятно с интересами покойного.

– Я могу это забрать? – спросила Антипова, показывая на альбом.

– Пожалуйста! – равнодушно ответила Елена. Антипова вложила альбом в свою сумку и затем приступила к допросу Цаплиной.

– Елена Юрьевна, скажите, каким погибший был человеком?

– Валера был добрым человеком, нежным и ласковым... – сказала Цаплина, слегка всплакнув. – Ума не приложу, за что его убили?

– Я обещаю вам, что мы это непременно выясним! – сказала Антипова. – Скажите, а у погибшего не было недоброжелателей? Может, ему кто-либо угрожал по телефону или ещё как-то?

– Нет! – твёрдо ответила Цаплина. – На моей памяти ничего такого не было. Мы жили дружно и спокойно, Валера любил меня и дочку...

– Вот здесь я даже спорить не буду с вами, Елена Юрьевна! – ядовито заметил Иванов. – Марина Александровна, простите, что вмешиваюсь, но, думаю, и вам будет небезынтересно узнать кое-что и о данной женщине, и о её сожителе, и о её дочери.

Антипова кивнула головой.

– Что вы хотите сказать, Павел Александрович? – нервно спросила Цаплина.

– Да то, что Валера ваш так любил вашу дочь, что довёл её до суицида, – сказал Иванов. – А, вернее, вы её довели оба до этого!

– Бред какой-то! – возмутилась Цаплина.

– А вот и нет! – улыбаясь, ответил Иванов. – У меня есть сюрприз для вас. – он вынул из папки маленькую синюю тетрадь, развернул её и, держа в руках, показал Цаплиной. – Это дневник вашей дочери, который нам предоставила ваша подруга и кума, Людмила Гуляева. Думаю, вы узнаете почерк Сони? – Цаплина взгляделась.

– Да, это Сонин почерк. И что? – также твёрдо спросила она.

– А вы не догадываетесь, о чём она пишет? – спросил Иванов. Молчание. – Хорошо, я вам вкратце расскажу: она пишет о том, как вы её голую снимали, и о том, как ваш дружок Валера насильовал её с вашего ведома... Ну как, продолжать дальше? И я ещё молчу о «мемуарах» нашего погибшего, которые тоже приобщены к делу.

Поняв, что проиграла, Цаплина сникла. У её сестёр сделался шок.

– Лена, ты что, с извращенцем водилась? – спросила Наталья, едва веря ушам.

– Девочки, милые, простите меня, пожалуйста! – рыдая на коленях, молила Цаплина.

– Будь ты проклята, гадина! – гневно сказала Анастасия. – Ты нам больше не сестра! Чтоб тебе сдохнуть за то, что ты

с дочерью сделала!

Елену Цаплину осудили на восемь лет колонии строгого режима. Какова её дальнейшая судьба – неизвестно; равно, как неизвестно – вспоминала ли она в заключении о Соне. Сёстры Елену так и не простили и даже не приезжали на свидание. Зато на могилу Сони приходят все те, кому она по-настоящему была дорога, приносят свежие цветы... А через год Людмила Гуляева с мужем и дяди с тётями там поставили памятник.

24-го апреля 2024г.